

работу. Часто имеется в виду, что человек, выполняющий определенное действие, делает его слишком усердно, настойчиво, без меры и что немаловажно – на протяжении длительного периода времени. Имеется в виду не просто торговля, а длительная, часовая; не просто полировка машины, а усердная; не просто поскоблить и закончить, а делать это тщательно, в результате долгого и напряженного труда. Из примеров мы видим, что данная частица не предполагает обязательного наличия результата, как, например, частицы *out* и *off*, но указывает на степень погруженности в работу, что предполагает увлеченность, заинтересованность (в достижении цели, следовании принципам), или просто необходимость – то, что заставляет человека выполнять данное действие на протяжении длительного периода времени.

Литература

1. Голубкова Е.Е. Фразовые глаголы движения (когнитивный аспект). – М.: ГЕОС, 2002.
2. Кубрякова Е.С. Когнитивная лингвистика и проблемы композиционной семантики в сфере словообразования // Известия АН. Серия литературы и языка, 2002. – Т. 61. – №1. – С. 13-24.
3. Кортни Р. Английские фразовые глаголы. Англо-русский словарь. – 2-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 2000. – 767 с.
4. Talmy, L. How Language Structures Space // Spatial Orientation. Theory, Research, Application. N.Y., L. Plenum Press, 1983.

ФАКТОР СТРУКТУРЫ ЯЗЫКА В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Богачёв Р.Е.

Белгородский государственный университет

Языковая картина мира, как и все вещи в природе, имеет форму и содержание. Содержательная сторона языковой картины мира это совокупность всех концептов, входящих в так называемую национальную концептосферу. А «формальной», иначе структурной сторона языковой картины мира является структура самого языка. Б. Уорф, введя в лингвистику понятие «теория (гипотеза) лингвистической относительности, говорил: «Мы расчленяем природу в направлении, подсказанном нашим родным языком. Мы выделяем в мире явлений те или иные категории и

типы совсем не потому, что они (эти категории и типы) самоочевидны; напротив, мир предстает перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит в основном – языковой системой, хранящейся в нашем сознании» [3, С. 174]. Классифицирующую функцию, по мнению Уорфа, имеет не только лексика, но и грамматика. Именно в грамматике как наиболее регламентированной и устойчивой части языковой системы закрепляются те значения, которые должны быть выражены обязательно. Так, носитель русского, немецкого, английского и многих других европейских языков не может употребить название предмета, не указав, имеется ли в виду один такой предмет или некоторое их множество: нельзя употребить слово *книга* «ни в каком числе», иначе говоря, любая форма слова *книга* содержит обязательную информацию о числе. В таких случаях в лингвистике принято говорить, что в данном языке имеется грамматическая категория числа. Набор грамматических категорий конкретного языка красноречиво свидетельствует о том, какие значения на определенном историческом этапе развития этого языка были выделены как наиболее существенные и закрепились в качестве обязательных.

Инструментом концептуализации по Уорфу являются не только выделяемые в тексте формальные единицы – такие, как отдельные слова и грамматические показатели, – но и избирательность языковых правил, т.е. то, как те или иные единицы могут сочетаться между собой, какой класс единиц возможен, а какой не возможен в той или иной грамматической конструкции и т.д. На этом основании Уорф предложил различать открытые и скрытые грамматические категории: одно и то же значение может в одном языке выражаться регулярно с помощью фиксированного набора грамматических показателей, т.е. быть представленным открытой категорией, а другом языке обнаруживаться лишь косвенно, по наличию тех или иных запретов, и в этом случае можно говорить о скрытой категории. Так, в английском языке категория определенности/неопределенности является открытой и выражается регулярно с помощью выбора определенного или неопределенного артикля. В русском языке, например, существительное в конечной ударной позиции может быть понято и как определенное, и как неопределенное: слово *старик* в

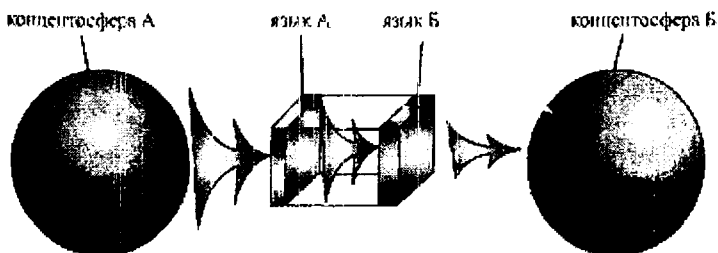
предложении *Из окна выглянул старик* может обозначать как вполне определенного старика, о котором уже шла речь, так и некоторого неизвестного старика, впервые возникающего в поле зрения говорящих. Соответственно, в переводе данного предложения на артиклевый язык в зависимости от более широкого контекста возможен как определенный, так и неопределенный артикль. Однако в начальной безударной позиции существительное понимается только как определенное: слово *старик* в предложении *Старик выглянул из окна* может обозначать только конкретного и скорее всего ранее упомянутого старика и, соответственно, может быть переведено на артиклевый язык только с определенным артиклем.

Например, в европейских языках некоторое количество вещества невозможно назвать одним словом – нужна двучленная конструкция, где одно слово указывает на количество (форму, вместилище), а второе – на само вещество (содержание): *стакан воды, ведро воды, лужа воды*. Уорф считает, что в данном случае сам язык заставляет говорящих различать форму и содержание, таким образом навязывая им особое видение мира. По Уорфу, это обусловило такую характерную для западной культуры категорию, как противопоставление формы и содержания (там же).

В межкультурной коммуникации взаимодействуют две и более языковые картины мира. В упрощённом виде это взаимодействие можно представить как [национальная концептосфера → язык носителя ↔ язык переводчика ← национальная концептосфера переводчика].

Понятно, что коммуниканты не могут общаться на уровне концептосфер. Они используют язык для репрезентации того или иного концепта.

Трансформация одной языковой картины мира в другую проходит по такой схеме:

Здесь возникает целый комплекс проблем:

1. Отсутствие эквивалента концепту из концептосферы А в концептосфере Б.

2. Неполное соответствие концептов-эквивалентов в А и Б.

3. При репрезентации концепта через языковую структуру А с последующей трансформацией в языковую структуру Б происходит его искажение.

Первая и вторая проблемы активно изучаются когнитивной лингвистикой [2]. Хотелось бы акцентировать внимание на проблеме трансформации одной языковой картины мира в другую с учётом особенностей языковой структуры.

Приведём простой пример. Рассказ Антона Павловича Чехова имеет простое название «Толстый и тонкий». Посмотрим, как это название репрезентировалось в английской языковой картине мира. Constance Garnett в своём варианте употребляет название «Fat and thin». Alex Miller and Ivy Litvinov остановились на варианте «The fat man and the thin man». Очевидно, что как в русской так и в английской языковых картинах мира существует концепт «толстый» и концепт «тонкий». Значит эти концепты имеют свой эквивалент в противоположной концептосфере. Проблема заключается в том, что сама жёсткая структура языка оставляет очень мало возможности для манёвра. Чехов построил своё название на противопоставлении и недосказанности, но мы точно можем сказать, что речь идёт о ком-то (мужской род) больших объёмов и противоположного лица (мужской род) маленького объёма. Вариант Constance Garnett построен по тому же принципу, что и у Чехова, но структура английского языка не позволяет репрезентировать концепт в том же объёме, что и в русском. В данном случае объём концепта в английском языке гораздо шире. Возможные варианты: «толстый и тонкий, толстая и тонкая, толстое и тонкое, толстые и тонкие». Утеряна та определённая, которая была у Чехова. Вариант Alex Miller and Ivy Litvinov напротив, репрезентирует соответствующий концепт гораздо в более меньшем объёме, чем это было в оригинале. «Толстый человек и тонкий человек». Неизбежность повтора здесь определяется структурой языка. Авторы перевода решили показать род в своём варианте, но сразу появилась категория, которая в русском языке чаще всего реализуется имплицитно – категория определённости/неопределённости. Получается, что даже при наличии соответствующих концептов во взаимодействующих

национальных концептосферах. формальная сторона языковой картины мира, то есть её языковая структура не позволяет трансформировать концепт из одной концептосферы в другую в том же объёме. В других языковых картинах мира, отличных от английской, ситуация складывается похожим образом, хотя и со своими индивидуальными отличиями.

В немецком «Der Dicke und der Dünne», в испанском «El gordo y el flaco». В этих языковых картинах мира представлена категория рода (хотя в испанском и всего два её значения – мужской и женский), соответственно, здесь удалось избежать определённой части проблемы, но категория определённости/неопределённости здесь тоже присутствует в эксплицитном виде.

Ещё один простой, но показательный пример, это репрезентация в разных концептуальных картинах мира концептов нахождения в пространстве.

Например, простое русское словосочетание «на углу» встречает такие эквиваленты в других языках:

«at the corner» – в английском (at - у, в, за, на)

«an der Ecke» – в немецком (an - у, в, к, на, за)

«au coin» – во французском (au - в; до; на; с; за; о)

В испанском существует два значения слова «угол»: *esquina* и *rincon*, причём первое слово женского рода, а второе мужского. Есть у них и более существенное различие в плане содержания, первое обозначает угол как внешнюю сторону здания, а второе – внутреннюю. Соответственно «на углу» будет «En la esquina», а в углу, как внутри здания – «En el rincón».

Данные предлоги исторически закреплены за этими выражениями, а почему они отличаются друг от друга, можно объяснить только влиянием языковой картины мира. При этом сами концепты в большинстве своём идентичны. «Что-то, находящееся около угла здания». (Разница появляется только в испанском языке, но это проблема уже изначального несовпадения объёмов концепта). Но требуют совершенно определённого выражения в своей языковой картине мира.

Однако основную проблему можно показать на примере сравнения концептов «дом» в русской и английской языковой картинах мира. Каким образом в английскую национальную концептосферу пренести такие выражения концепта как «домишко»,

домик, домяро, домище, домино» и в чём здесь исток проблемы. Либо это невозможность воспринимать всю полноту концепта (как и утверждал Б. Уорф), либо невозможность выразить эти варианты ввиду строгого ограничения данной языковой структуры. «Так, одному человеку непосильно реконструировать картину мира даже и одного языка, мысль же о воссоздании всех языковых картин мира вообще отдаёт утопичностью» [1, С. 45]. Мы не пытаемся это делать, но хотелось бы структурировать основные проявления взаимодействия русской и английской языковых картин мира.

Литература

1. Даниленко В.П. Языковая картина мира в гипотезе Сепира-Уорфа // Вестник ИГЛУ. Современные лингвистические теории: проблемы слова, предложения, текста. Сер <Лингвистика 4>, вып.5. – Иркутск, 2003. – С.38-46
2. Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: Монография. – Волгоград: Перемена, 2001. — 495 с.
3. Уорф Б. Отношение норм поведения и мышления к языку. Наука и языкознание. Лингвистика и логика // Новое в лингвистике. – М., 1960. – С.135-198.

МЕНТАЛЬНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В СЕМАНТИКЕ ИСПАНСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Озерова В.М.

Белгородский государственный университет

Культура, традиции, национальные предпочтения, менталитет, история той или иной языковой общности позволяют нам определить каузальность употребления лексических единиц для выражения ментального образа. Например, в испанском языке существуют такие фразеологизмы: *borracho como una uva* (дос.: «пьяный, как виноград»), *coger el toro por los cuernos* (брать быка за рога), которые носители языка усваивают также, как усваиваются значения обычных слов, а людям, изучающим язык, для осмысления таких оборотов необходима дополнительная информация об особенностях жизни в определенной стране. То есть внутренняя форма устойчивого оборота (под внутренней формой фразеологической единицы принято понимать диахроническую